

СОЛНЦЕМ ПОЛНА ГОЛОВА

ИВ МОНТАН

Имя Ива Монтана, замечательного французского певца и киноактера, хорошо известно советским людям. Талантливо исполняет Ив Монтан ведущие роли в фильмах «Плата за страх» и «Идол», которые с успехом демонстрировались на советском экране. Мужественные и лирические песни Ива Монтана снискали ему любовь советских радиослушателей. Недавно Ив Монтан написал автобиографическую книгу «Солнцем полна голова». Сегодня мы печатаем отрывки из этой книги.

* * *

Мое

первое место

Мне было одиннадцать лет, когда я начал работать на фабрику мучных изделий... Первые дни моей работы были окружены тем неясным ореолом, который присущ всему новому. Завод был полон сложных машин, возбуждавших любопытство. Машины эти были выше моего понимания, казались таинственными, что заставляло меня причислять их к миру волшебства. Я говорю о том удивительном механическом мире, который всегда вызывает восхищение толпы и классическим примером которого являются чикагские бойни: с одного конца загоняют свиней, а с другого конца выходит целый ассортимент банок с консервами. Этот механический мир скрытого превращения одновременно поражает и восхищает, подобно иллюзионистам, которые на глазах могут превратить цилиндр в бог знает что.

В данном случае речь шла лишь о манной крупе, которая входила в одну дверь, и о мучных изделиях, которые выходили из другой. Путь каждой крупинки, ее перипетии внутри завода были не менее удивительными... Но позже, когда я узнал все подробности, многочисленные операции и манипуляции потеряли вдруг свою прелесть.

Моя работа не была, на первый взгляд, утомительной. Я должен был готовить целую кучу целлофановых пакетов различных размеров для упаковки спагетти, «ракушек», лапши, вермишели, крупы и так далее. Я вставлял пакеты один в другой, готовя их таким образом для расфасовочных машин.

Сначала я обрадовался, что оказался на таком легком месте. Но вскоре понял, что однообразная работа может оказаться более мучительной, чем работа, требующая большого мускульного напряжения. Перед кучей пакетов, запасы кото-

рых были поистине неистощимы и которые нужно было брать по одному, я оказался в каком-то заколдованном кругу.

Чтобы вырваться из этого круга, я телом и душой ждал понеделника, когда я ездил с шофером грузовой машины господином Фуком. Фук развозил мучные изделия по соседним городам. Сидя рядом с ним в кабине, счастливый, словно принц, обвешивающий в карете свои владения, я видел, как передо мной сменялись пейзажи и столбы с названиями городов...

В действительности эти поездки были более прозаичны, чем мне казалось. Таскать пакеты на каждой остановке было тяжело, тем более, что я хотел казаться взрослым человеком и брал их больше, чем следовало. Однако я не хотел быть смешным в глазах господина Фука, его уважение мне было необходимо. На моем лбу выступали крупные капли пота, я чувствовал, как вены вздувались на шее и висках, как кровь стучала барабанной дробью, но я не сдавался под тяжестью пакетов. Удовлетворение, которое я испытывал после работы, убеждало меня, что время, когда я был бесполезным, окончательно прошло и теперь я работаю в положительном мире.

«Хватит

с тебя...»

Расставшись с детством, я распрощался с короткими штанишками и черными фартуками. Теперь я носил брюки и полотняный картуз. Я пытался даже курить, держа папиросу в зубах, что является неопровержимым доказательством зрелости. В глубине души я готов был верить, что меня считают взрослым человеком. Если вдруг мне предлагали конфетку, я считал себя глубоко оскорбленным. И, напротив, когда лавочники после разгрузки товара подносили стаканчик красного вина мне и г-ну Фуку, я испытывал безграничное счастье.

Два года пробыл я на заводе мучных изделий. Огорчался, когда приходилось проводить целые дни в компании целлофановых пакетов, радовался воскресеньям и поездкам на грузовике. Я приносил домой самый жалкий заработок. Я научился дорожить им, как дикий своей долей добычи. Эта маленькая сумма, которую мне выдавали взамен рабского труда, очень быстро определила мое мышление. Я не мог считать справедливой обстановку, которая всегда ставила меня в невыгодное положение и которая не давала мне самому назначать цену за свой труд. В те времена эта несправедливость

вызывала во мне лишь раздражение, очень похожее на недовольство ребенка, заметившего, что правила игры не для всех одинаковы. Мне надоело быть тем, кому всегда говорят «хватит с тебя», как надоело бы всегда водить в какой-нибудь детский лагерь.

Тогда я еще не понимал, что взбунтовался против одной из самых больших язв капиталистического режима, где только некоторым дано право устанавливать нормы жизни и где пролетарии всегда должны подчиняться...

Одним словом, я становился революционером.

Тринадцатилетний
безработный

Нелепое злоупотребление со стороны хозяина своей властью возбудило во мне ту непреодолимую ярость, которая рождается в результате долго сдерживаемого желания все перевернуть вверх дном.

Как-то этот человек вдруг захотел удерживать из моего жалованья стоимость бутылки с минеральной водой, которую я разбил при выгрузке из машины. Если бы я допустил неосторожность, то, наверное, мне были бы понятны его требования. Но злополучная бутылка была в корзине, дно которой неожиданно провалилось, чего я, разумеется, не мог предвидеть. С упрямством носорога хозяин отказывался признать виновность и без конца повторял известную поговорку: «Кто разбивает стаканы, тот за них и платит».

Резким голосом, который должен был придавать ему силу безоговорочной правоты, он почему-то говорил мне о посетителях, которые разбивают пивные кружки, о шалопах, которые бьют стекла из рогатки. Он не признавал никаких особых обстоятельств и отклонял все доводы. По его словам, хороший рабочий должен был сначала удостовериться в прочности корзины.

На эти слова, лишенные здравого смысла, я ответил дерзостью и вскоре распрощался с ним, не желая, чтобы мною командовал грубиян...

Мне было 13 лет, и я стал безработным.

На судоверфях

Я поступил чернорабочим на «Средиземноморские судоверфи», где требовалась рабочая сила, и стал молотобойцем. У меня был огромный закругленный молот на длинной ручке, которым я изо всех сил ударял по листовой стали.

«Средиземноморские судоверфи» зани-

мали огромную площадь. С непривычки казалось, что там царит ужасный беспорядок: повсюду кучи железа, сплетения железнодорожных путей, заржавевшие ангары, какие-то странные постройки, среди которых, как муравьи, снуют во все стороны рабочие в синих блузах. Однако в этом «беспорядке» рождались обшивки для кораблей, башни, котлы, бун для подводных кабелей.

Работа потрясала человека. Удар молотом по листу стали отдавался во всем теле, вызывал боль в руках, резь в животе. Грохот оглушал. В воздухе носилась ржавая пыль, которую вдыхали, проглатывали, и она отравляла бронхи...

Мне понадобились недели для того, чтобы преодолеть отупение, вызванное шумом и усталостью. Я возвращался домой словно пьяный от грохота, совершенно разбитый. Я падал на свою постель, как четвертованный. В моей голове еще долго стоял шум от бесконечных ударов молота по этим адским котлам, под куполом которых я целый день чувствовал себя пленником.

В конце концов привычка сделала свое дело, и красота моей работы предстала передо мной во всем блеске, точно огромное солнце.

Радость

созидания

Работа без результата вызывает разочарование. Она — словно струйка воды, которая бьет из-под земли и течет неизвестно куда и зачем, не принося людям никакой пользы. Человек выбирается из сил, ожесточается, тупеет — и никакого результата. В конце недели уносит в кармане жалкую получку, не зная ничего как следует, не видя следа своей работы. Так бывает...

Но на судоверфи, напротив, я присутствовал при рождении огромных чудовищ — судовых котлов. Я наблюдал, как металлические листы превращаются в котлы, видел, как они мало-помалу приобретают форму. Впервые в моей жизни я что-то созидал. Сильными ударами молота я помогал строить огромные машины. Я испытывал поэтому чувство гордости. Во мне проснулась та чистая радость всех трудящихся, которая заставляет их надевать праздничную одежду, когда работа закончена. Это была радость каменщиков и плотников, которые ставят букет цветов на конек только что построенного дома. Я чувствовал в себе мощный прилив сил, который объединял меня с мо-

ими товарищами по судоверфи. Пропало чувство одиночества. На смену ему пришло другое чувство — ощущение братства...

Борьба

Потом я стал певцом. Я понимал, что профессия певца отдалила меня от прекрасной солидарности с рабочими «Средиземноморских судоверфей» и доков. Я больше не был среди товарищей. Они, став зрителями и оставшись в зале единым целым, — они меня считали своим. Я же на сцене чувствовал себя одиноким, и лишь дружные аплодисменты приносили мне ощущение той связи, которую называют общением с публикой.

С тоской вспоминал я о той горячке, которая охватывает каждого, кто вместе с коллективом идет к справедливой, ясно намеченной цели...

И вот это чувство я испытал вновь, когда стал однажды в ряды бастовавших рабочих. Они хотели добиться удовлетворения требований, выполнение которых без конца откладывалось. Мы решили организованно отправиться в префектуру, чтобы поддержать переговоры, которые предприниматели пытались завести в тупик.

Слившись с массой, я шагал бодро и легко. Я думал, что все будет хорошо, что это лишь демонстрация и что зрелище наших сил заставит предпринимателей призадуматься...

Неожиданно раздался первый выстрел моторизованной охраны. Полицейские появились на улице в касках, размахивая винтовками, как дубинками. Меня охватил страх. Мне захотелось бежать со всех ног. Полицейских было много, я видел их бледные, искаженные яростью лица. Чувствовалось, что они охотно стали бы стрелять боевыми зарядами... Их тяжелые кованные башмаки грохотали по тротуару, точно гусеницы танков. Люди вдруг падали, точно кегли. Другие бежали, держась за окровавленную голову.

Нападение полиции ошеломило демонстрантов. На мгновение возникло замешательство, а затем каждый, как и я, почувствовал какую-то внутреннюю разрядку, — страх исчез.

Твердая уверенность в важности дела может наполнить вас непоколебимой решимостью. Я почувствовал, что силы во мне возросли вчетверо. И вот произошло неожиданное — полиция отступила.

Этот день запечатлелся в моей памяти

необычайно ярко. Я еще до сих пор ясно вижу каски разнузданных полицейских и наши организованные ряды, спокойные и прекрасные, как естественная сила...

Столкновения между полицейскими и бастующими часто случались в то время. В 1934 году во время всеобщей забастовки я частенько видел, как мой брат возвращался с синяками на лице и в разорванной одежде. Он принимал все более и более активное участие в борьбе рабочих. Если бы не спокойная уверенность его походки, то можно было подумать, что все время он проводит в драках с хулиганами.

Что касается моего отца, то он был слишком стар, чтобы защищать права трудящихся в открытой борьбе. Но он боролся по-своему. Вместе с итальянским каменщиком, которого звали Лотти, он печатал антифашистские листовки. Старика работали на примитивном печатном станке с важностью, какая, рассказывают, была у Гутенберга в день его знаменитого изобретения.

В Париж

Война, охватывая все новые районы, усилила атмосферу конспирации, тревоги и скрытой борьбы. Начались облавы, которым мы потеряли счет, когда была оккупирована вся Франция.

Однажды во время одной из этих облав меня задержали и в течение шести дней держали на вокзале, намереваясь отправить в Германию в рабство. Только благодаря безумной смелости и дерзости моей сестры мне удалось бежать с вокзала. Тем временем мой отец и господин Лотти продолжали печатать листовки. Их предосторожности, одновременно изобретательные и примитивные, каким-то чудом спасли благодушных заговорщиков от нацистов.

Опасность росла с каждым днем. Пришло время подумать о бегстве. Париж, несомненно, был более надежным убежищем, там легче было спрятаться, и меня там не знали. Кроме того, лишь там я мог узнать, не был ли мой успех певца лишь увлечением жителей Средиземноморского побережья.

Так я оказался в Париже.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

7 февраля 1956 г. № 32, 3 стр.